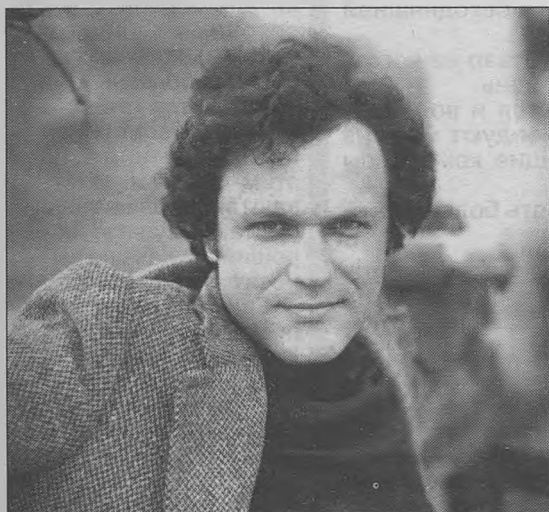


И Николай ЕРЁМЕНКО: Исповедь уникального современника

Два десятка лет тому назад наш герой был удостоен премии Ленинского комсомола с формулировкой «За создание образов современников в кино и высокое исполнительское мастерство». И сейчас он, Ерёменко Н.Н., для кинозрителей является героем современным. Правда, представляет нынче на экране - в отличие от романтических героев прошлых лет - «крутых» и «новых» мафиози...



зультате недостаточного прилежания по основным предметам успевал на «3». Комсомолец. Общественные поручения выполнял добросовестно: был старостой 10 класса, членом редколлегии классной стенгазеты, активно участвовал в художественной самодеятельности. Читает много. Увлекается театром и кино. Занимается футболом и баскетболом. Имеет веселый, добрый характер». - Характеристика выдана 14 июня 1966 года для поступления в вуз).

- Что вы нам почитаете? - спрашивает меня Сергей Апполинариевич на собеседовании.

- Заболоцкого.

- Что именино?

- Грозу.

Он брови поднял:

- Ты сам это любишь, мальчик?

Ну прочти, прочти...

И я понял: попал!

Отец меня просто заставил выучить это стихотворение. Хотя своими мальчишескими мозгами я вряд ли понимал глубину этого стихотворения. Но Герасимова, видимо, подкупил сам выбор.

Тамара Федоровна Макарова меня, правда, в мастерскую брать не хотела: нас, детей актеров, в тот год слишком много оказалось: Наташа Бондарчук, Володя Тихонов... Но позднее мне передали, что Герасимов пообещал «из этого мальчика» артиста сделать. Верить хочется, что обещание он свое выполнил: ведь не зря он меня - из почти двухсот сво-

мальчики-девочки свои права очень хорошо знают и уже в первом фильме свои условия диктуют, я же даже продавать



себя не умею как следует; в коммерцию же я не хочу и боюсь подаваться - я артист. И не играю только когда на диване лежу. Но попытки «опробовать» себя в иных качествах у меня исключительно единичны: как-то в рекламе засветился, в режиссуре - с фильмом «Сын за отца»; рискнул даже на эксперимент над собственными голосовыми связками - в театре Эстрады с Ириной Грибулиной спели, зритель «браво» кричал... А за собственное кино мне не стыдно: в нем нет неприменных нынешних «ЧП» - чернухи с порнухой. Но главное, в чем я во время съемок убедился, так это в том, что я с людьми могу работать. Я же одиночка по натуре - никогда не ходил в стаде, коллектив меня угнетает, поэтому и в театре никогда не работал. Хотя в свое время Марк Захаров заводил со мной об этом разговор...

Кинодебютом Николая все считают роль Алеши в фильме «У озера». Однако если понятие «дебют» принимать буквально, то первый его опыт в кино был в роли разрушителя правил перехода проезжей части - в двенадцать лет он снялся вместе с мамой (народной артисткой Белоруссии Галиной Орловой) в предостерегающем «рекламном ролике», заказанном ГАИ.

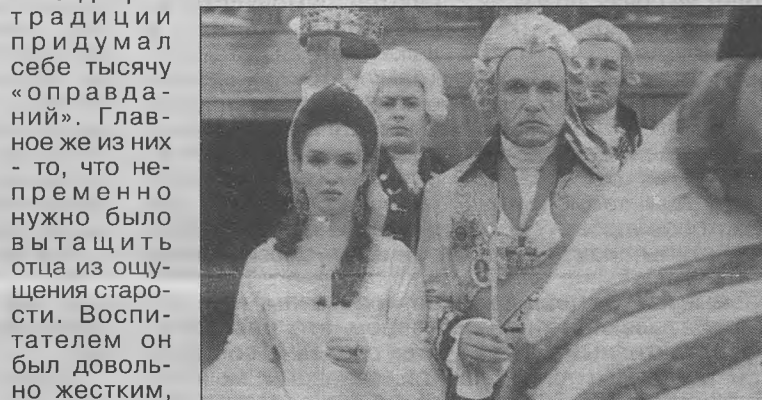
- Признайся, со своим отцом сотворчества ты боялся?

- А чего мне бояться-то? Ну, если честно, предложения бывали. Но совместных съемок я действительно избегал: всего хотел добиться сам. Но от судьбы не убежишь: Валентин

Черных принес сценарий с ролями и для меня, и для «старшего». Отцу вот-вот должно было исполниться семьдесят лет. И мне захотелось его хоть как-то встряхнуть. С предложением снять этот фильм я обращался чуть ли ни ко всем своим знакомым режиссерам. Кто-то вроде обещал, кто-то сразу отказывался... В общем, деньги, найденные на постановку, могли в любой момент улетучиться, и я решился на «дебют». Но что-

бы не упираться все время в производственные проблемы, попросил себе режиссера профессионала: в то время

Маргарита Касимова была не занята, к тому же я ее давно знал... Сам факт моей режиссуры я сегодня расцениваю, конечно, как испуг: я не привык сидеть без дела, а как раз на это время пришелся, видимо, мой «кризис среднего возраста» и начало падения кинопроизводства. А поскольку единственное, как я считаю, в чем человечество достигло совершенства, - это искусство самооправдания, то я по доброй традиции придумал себе тысячу «оправданий». Главное же из них - то, что непременно было вытащить отца из ощущения старости. Воспитателем он был довольно жестким, драл меня по-черному. Разумеется, без повода, но взаимопониманию поколений это не способствовало. А уже во время учебы во ВГИКе я приезжал домой в Минск и пытался в их «провинциальный» быт внедрить столичные «новшества». А если меня не понимали, открывал рот и изрекал с презрением: «Да что вы можете понять!» Но мы никогда не ссорились на почве идео-



логической: я всегда считал отца человеком честным и порядочным - прежде всего, из-за его последовательности в мировоззрении. Он для меня - мужик в лучшем смысле этого слова. У меня и сейчас хватает соображения не трогать его идеалы, если они не совпадают с моими. Но зато уж за время съемок я им накопился за все свое многострадальное детство!



- Ходили слухи, что тебя хотели назначить министром культуры Белоруссии...

- Понимаешь, сыграть министра - ради бога, но быть им - это совсем другое дело. Во-

первых, чтобы стать чиновником, пришлось бы отказаться от профессии. А во-вторых... Стать министром страны, язык которой ты уже почти забыл, - это забить самый здоровенный гвоздь в свой собственный гроб! Остальные забьют националисты, а их в Белоруссии достаточно, на мой век уж точно бы хватило.

- Ты своей судьбой доволен?

- Творческой? Как пошутил один великий: красавцы плохо кончают. Все думают, что такие смазливые мальчики, каким я был, либо спиваются, либо теряют интерес к себе, и к жизни. Так вот, когда я это услышал, решил: не дожидаться! И могу только благодарить Господа, что так благосклонна эта самая «судьба» ко мне.

- Что тебе вспоминается, когда ты слышишь слово «счастье»?

- Детство! И Витебск, в котором оно прошло. Я рос в

семье, где было мало мебели, но приличная библиотека - родители были в то время артистами начинающими, так что гарнитурами еще не обзавелись. К книжкам я долго не прикасался и водился с самыми большими хулиганами: воровали, портвейн пили... А кличка у меня была Артист - довольно обидная для того времени, поскольку интеллигентность была не в чести. Я

- Я себя люблю как типаж, но рано или поздно амплуа героя-любовника приходится менять; не говоря уж о зрителях, которым странно было бы видеть меня нынешнего в облике... не дай бог, Ромео. Мне и самому неинтересно играть то, что я давно отработал. И это нормально. Тем более что с возрастом я сам стал уже не тем, кем был когда-то.

- И какой же ты нынче?

- Нормальный мужик! Который многое знает и... может! Да, сейчас уж о зрителях, которым странно было бы видеть меня нынешнего в облике... не дай бог, Ромео. Мне и самому неинтересно играть то, что я давно отработал. И это нормально. Тем более что с возрастом я сам стал уже не тем, кем был когда-то.

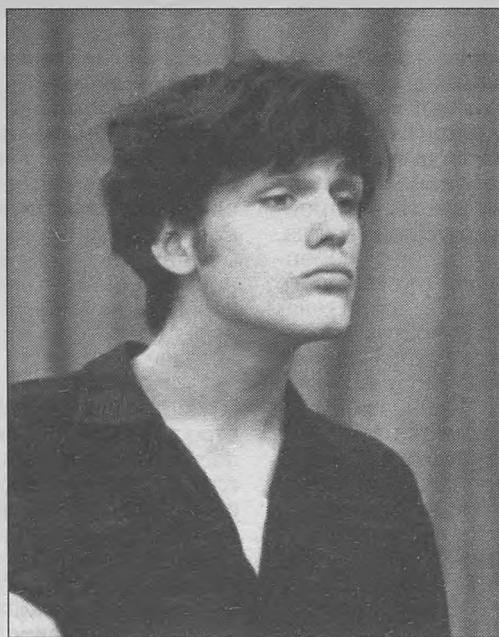
- А почему Ромео-то «не дай бог»?

- А меня ни Гамлет, ни Ромео никогда не интересовали. Вот Плюшкин - другое дело! До сих пор обожаю.

- Коля, дело прошлое, признайся, ведь ты во ВГИК попал по блату? Дал взятку Герасимову?

- Ну... Отрицать, конечно, бесполезно. Взятка была, но не обычная. С Герасимовым был знаком мой отец. Именно у Герасимова в «Людях и зверях» он (Ерёменко Н.Н., народный артист СССР) сыграл свою первую настоящую роль в кино. Как вернулся домой со съемок, только и слышали: «Герасимов! Герасимов!...» Я тоже начал читать о нем, фильмы его смотреть. После школы поехал поступать, но в тот год мне не повезло: актерскую мастерскую набирал Бабочкин; к тому же я опоздал... Да и какой мог быть Белорусский театральный, ты что? Я же Москву покорить решил! Без таких замашек зачем артистом становиться? На следующий год показывать Герасимову меня повез уже отец.

(«Ерёменко Николай Николаевич в школе № 63 города Минска учился с шестого класса; это ученик, который в ре-



их учеников по ВГИКу и студии при «Ленфильме» - аж в шестом фильме снял: «У озера», «Любить человека», «Красное и черное», «Юность Петра», «В начале славных дел», «Лев Толстой». Больше у него только Тамара Федоровна снималась.

- А в последнее время ты только актерской деятельностью занимался?

- Нет, не только. С профессиональной деятельностью дела обстоят не очень хорошо. Сейчас ведь начинающие